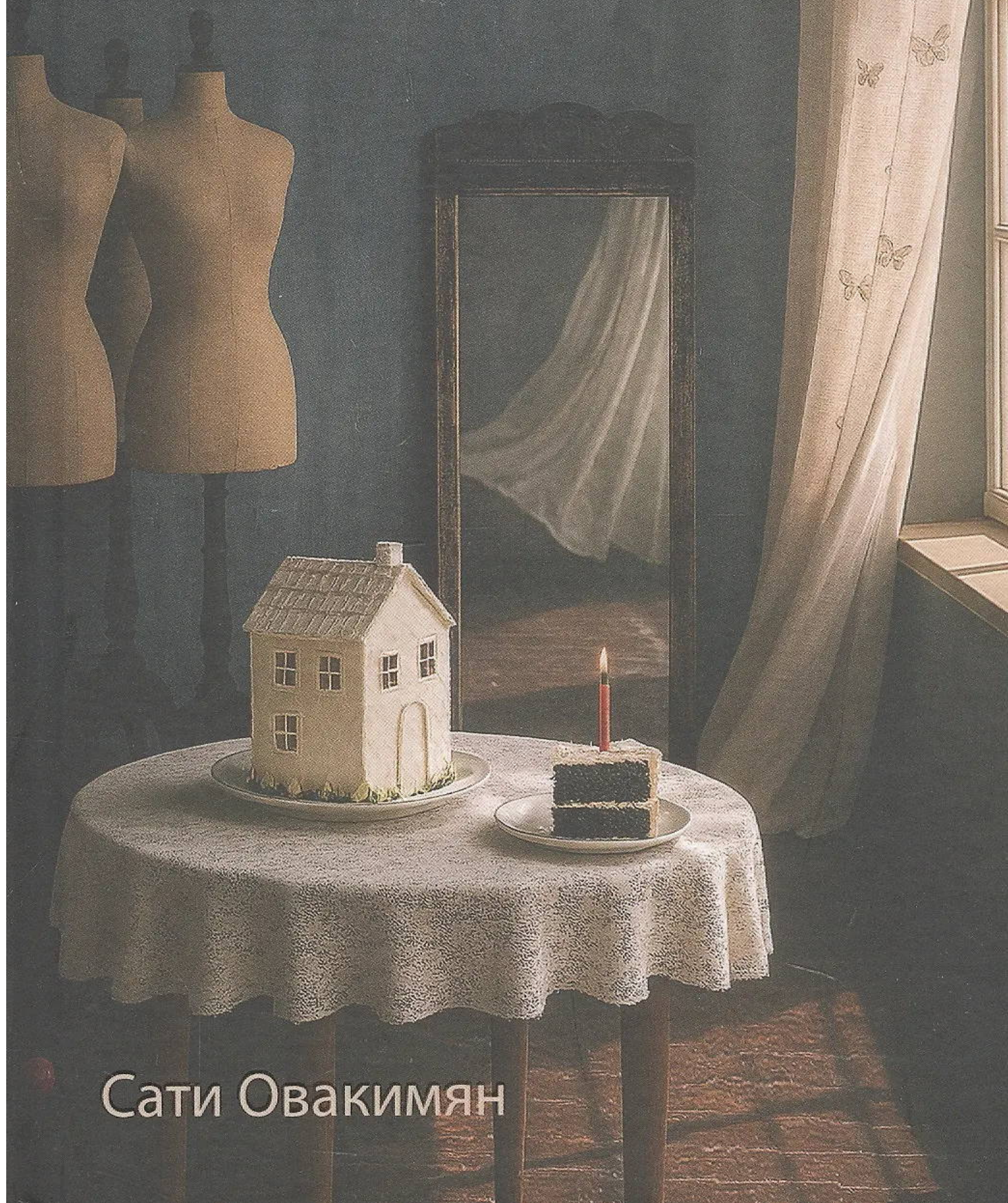

СМЕРТЬ И ДРУГИЕ семейные праздники

Сати Овакимян

Сати Овакимян

**Смерть и другие
семейные праздники**

«У Никитских ворот»

2025

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Овакимян С.

Смерть и другие семейные праздники / С. Овакимян — «У Никитских ворот», 2025

ISBN 978-5-00246-445-6

Внутри этой книги живут люди. Они умеют ждать и хранить тайны, смеяться сквозь слёзы и преодолевать боль: не только свою, но и целого мира. Это истории о любви и одиночестве, о доме и дороге к нему, о теле и памяти. Смерть здесь — ещё не финал. Это кульминация, повод, иногда даже предлог. Но настоящая жизнь идёт между криком и молчанием, автобусом и храмом, потерей и нежностью. Герои книги сильные, но уязвимые, мечтающие, но порой потерянные. У каждого из них есть свой шанс — на крылья, на город или на бабочку. Даже если всё рухнет, они продолжают собирать осколки и превращают их в искусство. Это — внутренний разговор вопреки смерти. С теми, кто ушёл, и с теми, кто всё ещё живёт в нас. Если узнаете в ком-то из них себя — значит, вы не одни.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00246-445-6

© Овакимян С., 2025
© У Никитских ворот, 2025

Содержание

Мой дом переехал	6
Кинцуги	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сати Овакимян

Смерть и другие семейные праздники

© С. Овакимян, 2025

* * *

*Моему мужу Саше – человеку, который никогда не спрашивает,
зачем я всё это пишу, а просто меня вдохновляет*

Мой дом переехал

Утро началось необычно: то ли от чувства стыда, то ли от ликования две полоски на узкой картонке покраснели и заулыбались цветом спелой клубники. Жизнь.

Начало... Пустота. Пустота, наполненная чем-то совсем крошечным и неосознанно важным. Я вышла из ванной, посмотрела на него, подошла поближе, открыла рот, вдохнула побольше воздуха и выдохнула его в поцелуй. Не решилась – посмотрела ему в глаза и увидела в них свои же страхи. Вышла из дому.

Одна из праздничных улиц Москвы днём и ночью утопает в зорких взглядах неисчислимых ярко-жёлтых глазищ-гирлянд. Чуть поднимешь голову, а там единорог тянется ко льву, прямо выскакивает из голубого фасада здания, будто радостно играет с этими гирляндами. Ну и пусть. Я глубже прячусь в свою вязаную белую шапку, только губы чуть выставляю вперёд, двигаю ими и как будто помогаю буквам выпрыгнуть, вылететь наверх. Понимаю ведь: в такой мороз мои прозрачные от холода молитвы чуть-чуть приподнимутся вверх, к облакам, но дальше не пройдут. Обмороженные посиневшие буквы упадут на носки моих лакированных ботинок маленькими бездомными снежными трупиками и исчезнут навсегда. Бездомье. Я стараюсь никогда не произносить этого слова, но от него не убежать, как и от моей раскладушки, которая везде и всюду со мной, и кулона – обломка туфа, который ношу на шее не снимая.

Мы с мамой жили в крохотном армянском городке, спрятанном от мира в тени больших лохматых елей. Жили в подвале бабушкиного дома. Она была худощавой суровой старухой, которая после смерти деда отказалась продавать улы с пчёлами, а решила сама заняться пчеловодством, тем самым отгородив себя от семейных дел и домашнего шума. А шума здесь было немало. Второй этаж она сдавала каким-то студенткам из медучилища, которые разъезжались летом после сдачи экзаменов.

На первом этаже жила сама бабушка вместе с моей тётей – старой девой, двинутой на магии, эзотерике, шаманских обрядах и мечтавшей выйти замуж за красивого, богатого и щедрого мужчину. Вот только подходящих мужиков в нашем маленьком городишке не было. Однако, согласно её убеждению, всемогущая магия могла хоть из Франции доставить ей самого лучшего жениха на свете. Вообще-то она была пианисткой, с выдающимся горбатым носом, заплетённой из редких прядей косой и ровным пробором – чтобы жизнь шла чётким прямым путём. Она не любила разговаривать, ненавидела детей и хотела когда-нибудь открыть собственный магазинчик пюпитров. Раньше ей нравилась её работа учителя музыки, но затем её уволили из школы.

Недолго поколебавшись, тётушка пошла к священнику и попросила принять её в женский хор. Пела она куда лучше, чем занималась своими ритуалами, а священник, знавший моего покойного дедушку, видимо, сжалился над беспросветной жизнью старой девы тридцати шести лет и решил, что осознанный приход к Богу поможет усмирить её невыносимый характер. Соседям и знакомым она то и дело повторяла, что служит в Божьем храме. На самом деле никакого храма и в помине не было – все это отлично знали.

В своё время один из старожилов подарил ставший ненужным гараж приехавшему из столицы священнику, который из-за своего хронического бронхита решил на время переселиться в наш городок, да и остался жить здесь. Он тут же подружился с местными, начал учить всех уму-разуму, принялся писать статьи на религиозную тематику для местной газеты и был сильно удивлён, что, в отличие от других городов в стране, у нас всего-то одна, и та полуразрушенная, часовня на самой окраине. Но ведь истинным христианам необходимо молиться не абы где, а именно – в церкви. Его приятель, журналист этой газеты, посоветовал ему поехать в столицу и попросить денег на ремонт «храма» для наших жителей. Так и превратился гараж в «Дом Божий». Калеки, пенсионеры и постаревшие и уже ненужные в своём древнейшем ремесле, но

умевшие громкими голосами попадать в ноты женщины, а с ними и моя тётя, составили церковный хор. Руководил ими низкорослый, тонкоголосый, с вечным прищуром и с бородкой, похожей на козлиную, отец Нвер.

С детства я очень боялась и одновременно ненавидела бородатых мужчин. Раньше, когда после гибели отца дед решил приютить нас с мамой у себя в доме, мы жили на первом этаже, как нормальные люди. Все вместе: дедушка и бабушка, тётя, я и мама. Второй этаж дед сдавал какому-то попу и его жене. Этот бородатый плотный мужчина с сиплым голосом, едва заведя меня, подходил, бормотал под нос что-то непонятное, вырывал из моих рук яблоко или игрушку, а чтобы я не скандалила и не жаловалась взрослым, говорил: «Это я не себе. Я отнесу бездомным и нуждающимся детям. Расскажешь деду – Боженька узнает и тебе такую же судьбу устроит». Угроз я, конечно, боялась: сначала говорила маме, что потеряла свои игрушки, а потом и вовсе старалась ничего не брать с собой во двор.

Я спрашивала у деда, как же держится наша люстра на потолке, не падая на нас. Он смеялся. Смеялся, а потом отвечал, мол, люстру держит поп, который живёт у нас на втором этаже, а если он уходит по делам, на пост держателя люстры заступает его жена Люсине. «Вот так им и надо!» – думала я, поднимая глаза к потолку и никак не в силах постичь, как же они успевают удерживать и не уронить сразу несколько люстр. Мне представлялось, как длинная чёрная поповская борода, подобно осьминожьим щупальцам, расползается по комнатам и помогает своему хозяину в этом сложном деле.

В начале ноября у деда прихватило сердце, и он умер. Длиннобородый поп с женой вскоре съехали. Ну а нас с мамой бабушка решила лишить домашнего уюта и переселила в сырой и тревожный мрак подвала. И только люстры продолжали всеми силами держаться за потолок.

Бабушка ненавидела осень и зиму, она жила летом, ощущением тепла. Носила платья и жакеты изумрудных и оранжевых оттенков. Я же, боясь и ненавидя её за жестокую несправедливость, чувствовала какое-то необъяснимое притяжение, вглядывалась в её матовые светло-зелёные глаза и старалась ощутить запах её лета. Она неизменно усаживалась на стул из грушевого дерева – изготовленный и некогда подаренный ей дедом – таким образом, чтобы видеть летки ульев, и делала записи в своём блокноте пчеловода.

Август – долгожданный и вместе с тем тяжёлый месяц для пасечников, особенно в наших краях, где погода могла неожиданно подвести. Зато это месяц медосбора. Медосбор – сложная кропотливая работа. Медосбор – подведение итогов летних дней, каждой солнечной секунды. Это жизнь, вращающаяся в центрифуге, долгожданная встреча янтарного счастья с крыжовенным взглядом бабушки.

Она всегда получала неизъяснимое удовольствие и от самого процесса откачки, и от жужжания пчёл, и не боялась их укусов. «Пчеловод всегда должен быть готов к ужалениям. Должен уважать образ жизни пчёл», – повторяла она. И наплевать, что пчёлы не признают своих хозяев, главное – чтобы хозяйка отлично знала своих подопечных, знала, на какой дистанции находиться и как вовремя оказываться возле ульев.

И вот сейчас я шагаю сквозь ноябрь. Ноябрь – мрак, чёрная дыра, месяц-испытание, и я стараюсь добраться до декабря, до праздника Рождества Христова. Иду с тяжёлым рюкзаком и мегафоном на поясе, таскаю с собой пачку старых фотографий города, иду, замедляя шаг и каждую секунду задыхаясь от счастья. Листья опали, деревья без них торчат чёрные, злые, как угрюмые памятники, напоминающие о своей былой славе. Скрюченные тонкие пальцы веток застыли в серости неба. Та же серость отражается серебряным отблеском на спецовках рабочих, суетливо запикивающих никому уже не нужные тела листьев в плотные чёрные пакеты.

Не хочется заходить в офис на планёрку. Мне не стыдно опаздывать, не стыдно не оправдывать возложенных на меня надежд. Не буду придумывать себе никаких оправданий. Моё единственное оправдание – вынашивание новой жизни, продление своего лета. И потому я

предпочитаю неспешно пройти вдоль Китайгородской стены, на время отгородив себя от обид, от упрёков и неприятных разговоров. Ещё год назад работа гида казалась самой лёгкой и желанной, но стоило только устроиться на неё и начать ходить по городу по пятнадцать километров в день, как всё переменялось кардинальным образом.

Однажды я пришла на экскурсию к своему коллеге, смахивавшему на пирата из мультфильмов моего детства, – такому шустрому рыжеватому парню с серебряным кольцом в левом ухе. Он умел привлекать к себе внимание, рассказывая про передвижение домов, а затем срывал аплодисменты таким артистичным чтением стихотворения Барто, что экскурсанты долго восхищались его почти что «мочаловскими минутами».

Тогда я и поняла, что нет мне иной дороги, что я должна вести именно этот маршрут под названием «Мой дом переехал». Тема была близка и понятна, чтобы освоить её быстро, – водить людей во дворы и открывать для них спрятанные здания, которым удалось спастись от сноса. Я показывала фотографии, иногда придумывала истории от лица этих зданий, а в самом конце маршрута, в Саввинском подворье, чувствуя острую тоску по своей родине и своему дому, которого, по правде, никогда и не было, рассказывала трагическую историю моей семьи. Отец строил нам дом, но, не достроив, поспешил на защиту родины и этого самого недостроенного дома. Он оставил маму вдовой. Мне достались сиротство и кусочек камня на шее.

Я показывала свой кулон из туфа и заканчивала историю тем, что мой дом тоже переехал вместе со мной и нести его совсем не тяжело, однако порой очень-очень трудно. В эти моменты не было ни восторга, ни аплодисментов, ни восхищения – экскурсанты брали паузу и, не задавая вопросов, превращали её в молчание, задумываясь и, может быть, вспоминая свои дома. Они передавали эстафету своим знакомым, и те приходили слушать историю передвижения домов и слышали историю потерявшей свой дом.

Тётино сопрано до сих пор бесцеремонно врывается в мой мозг и визжит: «Прарабдха-карма» – «Прарабдха-карма» – «Прарабдха-карма». Что за абракадабра, чёрт возьми? Тётя часто повторяла, что я неспроста родилась в период ретроградного Сатурна, что необходимо оценить вектор своего пути. Поджигая лавровые листья, она заставляла меня глубоко вдыхать этот терпкий отвратный запах, а своими длинными пальцами разделяла мои волосы напополам, чтобы и мой жизненный путь был ровным и прямым, и чтобы я, не дай бог, не скатилась по наклонной. Что было делать?..

Я терпеливо ждала, пока она выпроводит меня, спускалась к себе в подвал и там зачёсывала волосы назад и собирала их в пучок. Безо всяких проборов и кармических дорог. Когда бабушка отправила нас в подвал, тётушка Марго выдала мне, одиннадцатилетней, раскладушку тёмно-лилового цвета и назидательно добавила:

– Штош, настало время платить по кармическим долгам!

Я иду по следу моей длиннющей тени: по большим дорогам, узким переулкам, заснеженным тротуарам, останавливаясь возле исторических фасадов музеев и особняков. Таков путь из подвала на Красную площадь. Смешно. Наверное, так же думали и мои родственники, которые после внезапной смерти мамы решили из жалости пригласить меня в Москву и приютили у себя. А когда мне исполнилось восемнадцать, дядина жена сказала, что с них хватит, пора мне уже пойти устроиться на работу. Об этом они тоже позаботились. Главное – не приходить домой позднее одиннадцати вечера, отдавать свои честно заработанные деньги и идти спать, а в шесть утра просыпаться, готовить завтрак на всю семейку и, никого не будя и не раздражая своим присутствием, уходить на работу.

И так целых три года, пока однажды я не решила заговорить с девушкой, которая раз в пару месяцев прибегала к моему киоску и скупала глянцевые журналы, а в остальные дни,

проходя мимо, быстро кивала в знак приветствия и через секунду исчезала. Однажды я не удержалась и спросила:

– А зачем вам столько глянца, если в телефоне есть та же информация?

– Хэ-зэ, так лучше. Хотя, по правде, я их не читаю, просто вырезаю картинки. У меня всегда работает, ты же поняла, о чём я? Ну, прости, мне надо бежать.

Я смиренно кивнула и быстро закрыла окошечко киоска, глядя ей вслед – всегда такой весёлой и живой девчонке с приклеенными блёстками под глазами. Через два месяца, как и всегда, она явилась снова.

– Вы мне тогда так сказали, ну, будто я должна понять, зачем покупаете всё это, но я, честно, не знаю. Даже у Алисы спросила: «Для чего покупать глянцевые журналы?» Ответа так и не получила.

– Реально? Судя по твоему вопросу, Алиса от безысходности повесилась. Да для карты желаний же! Мне всегда помогает, хотя хэ-зэ, может, я привыкла, а может, занимаюсь самоунижением, но – помогает. Я долго не могла себя найти, наклеила себе дороги, людей и здания разные, и помогло ведь!

– Значит, если вырезать и расклеить фото зданий, людей и дорог, жизнь будет лучше?

– Ты что – того?

И она вкратце рассказала, как приклеенные картинки притянули удачу, как её взяли на работу гидом. Только карту желаний нужно обновлять через каждые два-три месяца, чтобы ещё лучше стало.

– Мне сейчас гуд! И вообще, приходи ко мне на экскурсию, послушай, вдруг понравится, сама станешь гидом. Ну, если всё будет ок, то, может, и в бюро к нам возьмут.

Я обрадовалась, но зачем-то спросила:

– А чтобы и мне было гуд, кроме карты этой вашей, ещё и блестеть надо?

– Хм.... Это ты про глиттер, что ли? У тебя вон столько мелких родинок на лице – этого достаточно. Только скажи, ты в центре хоть когда-нибудь была? Манежку найдёшь?

– Конечно, была! Только какую монетку найти?

– Ну ты, блин, даёшь, экскурсовод будущего! Манежка – это Манежная площадь. Я – Оля. Запомнишь? Будь в среду, в два. Только днём, а не ночью!

Ночами мы с мамой часто не могли уснуть. По обеим сторонам комнаты к стенам плотно прижимались наши раскладушки. Рядом с маленьким деревянным столом стоял старый венский стул, на котором глубокой ночью после долгой работы засыпала моя мама. Тётушка сверху раз за разом начинала играть на пианино и орать как ненормальная, якобы исполняя свои хоралы, громко выдавая «ангел» по-армянски таким страшным металлическим сопрано, что мы цепенели и долго не могли пошевелиться.

Потом мама, взяв в руки иголку и льняную ткань, продолжала свою извечную работу: чтобы прокормить нас, она вышивала на заказ сирень на белых и бледно-розовых скатертях.

Когда становилось невмоготу от сырости, я выбегала во двор, где бабушка или сидела на своём стуле неподалёку от ульев и читала книги о пчёлах, или же в костюме пчеловода занималась своими насекомыми. Однажды мне захотелось увидеть пчёл вблизи, и я подбежала к ульям. Бабушка, как обычно, в соломенной шляпке и зелёном жакете сидела на стуле и читала. Но поняв, куда я бегу, она остановила меня строгим и совсем не родным голосом:

– Девочка, стой! Пчёлы не терпят, когда в их жизнь вторгаются. Всегда важно показать: мы им не мешаем. Ясно?!

– Ясно, но...

– Никаких «но»! Они работают, а работа важнее всего. Всё в нашей жизни зависит от нашей работы.

Свою работу я полюбила, даже не предполагая, что, выпорхнув со станции «Театральная» к Манежной площади и просто пройдясь по ней и по Александровскому саду, вдруг стану совершенно другой. В этот час до экскурсии, в нетерпении ожидая Олю, я даже не поняла, как быстро влюбилась в город, а ведь каждый день, без усталости, ходить и говорить о предмете своей любви может лишь тот, кто немножко помешан на чувствах.

Оля дала мне ключи от города, от самой себя, а заодно и от своей квартиры. Я быстро собрала небольшой чемодан, сложила раскладушку и, ничего не объясняя родственникам, ушла, чтобы больше никогда не вернуться.

Почти каждый понедельник Оля устраивала квартирник, собирая коллег у себя. Коронным номером считался наш с ней дуэт: я пела русские романсы, а иногда и армянские народные песни, а Оля играла на аккордеоне. Всем безоговорочно полюбилась песня «Ов сирун, сирун», которую мне в детстве пела мама, когда вышивала нежную лиловую сирень, сидя на краешке стула. Выступая и вдруг вспомнив её, уже отошедшую в мир иной, я всеми силами старалась сдерживать тоску.

А затем на столе появлялись всякие вкусности и напитки. Дегустировали чай с коньяком, ромом и даже с вином, давая им забавные названия типа «Модернистская страсть», «Влюблённый Шехтель» или «Завтрашний день от Корбюзье с коньяком». Играли в «Угадай архитектора», где по стилю и манере работы предполагали имя зодчего. Виктория, директор компании и сама экскурсовод, с глазами цвета морской волны и с ускользающим взглядом, собирала нас вокруг новых идей для новых маршрутов, и мы, подобно пчёлам, принимались шуметь, делиться мыслями, дискутировать и строить планы.

Примерно в половине десятого мне звонил Антон, я выходила и вместе с ним открывала для себя ночную Москву: огромную, укутанную в шаль из мириад золотых искрящихся электрических звёздочек, – огромный и совершенно иной город.

С Антоном мы познакомились на одной из моих экскурсий. Он подождал, пока все разойдутся, а потом сказал, что зря я так развожу народ. Это было откровенным хамством бордатого, с печально-скептическим взглядом и уже слегка облысевшего парня на голову выше меня. Не дожидаясь ответа, он предложил прогуляться и продолжил начатую мысль:

– Все мы паримся по поводу дома, потому что нам внушили – надо охранять своё пространство.

– И что же в этом плохого?.. Раз ваше мнение не совпало с моим, сразу решили, что я обманываю людей? Я просто рассказываю истории, и свою в том числе...

– Тогда простите, но со стороны это смотрится... крайне драматично. Женщины тут сопли разводили – классная фишка! Хотя, чего греха таить, у меня тоже есть нечто подобное. Скажем так, обратная сторона медали. И всё же, будем честны, вы перегибаете палку.

– Стоп! Вы тоже гид, но рассказываете, что вся планета наш дом и не надо оглядываться назад. Угадала?

– Тепло. У меня свой магазинчик велосипедов. Чиню старые и продаю как новые. Во-первых, не хочу загрязнять, как вы говорите, «наш дом», а во-вторых, собираюсь проехаться на велике по нашему славному европейскому континенту, дальше уж – как получится. А знаете зачем? Чтобы не ходить, как вы, с туфом на шее и не оплакивать свою родину, а радоваться тому, что жив и везде можешь найти себя.

– Я не оплакиваю... Мне больно, и я тоскую.

– Когда тебе больно, то обижаешься и покидаешь дом, правда? Но боль всё равно не уходит... Она поджидает, прячется в стенах дома и караулит твоё возвращение...

Слово за слово, и вот – мы стали встречаться. В свободное время он учил меня ездить на велосипеде, а через два месяца предложил переехать к нему. Это стало самой неожиданной и приятной увертюрой наших отношений.

Откачка начинается не спеша, плавными вращениями, любовной прелюдией: медленно, с тягучей нежностью, совмещая вращение и силу, не напрягаясь, чтобы не устать. Затем всё ускоряя темп, превращая едва слышные звуки в звонкую мелодию, ощущая дыхание освободившегося из сот ароматного мёда, прослушивая янтарное сердцебиение и ускоряя обороты внутри, при этом неторопливо переворачивая рамку с одной стороны на другую, качая и качая тёмно-жёлтый вязкий нектар до последней капли, пока мёд не будет выпущен из объятий рамок, пока соты не окажутся опустошёнными.

Иногда бабушка разрешала мне наблюдать за её работой, тихо восхищаться магией происходящего, не вмешиваясь и не нарушая дистанции. Разрешала ненадолго стать самым близким и посвящённым в её сакральное дело человеком. В такие моменты мы без лишних слов становились родными и понятными друг другу.

Тётя знала: когда бабушка в работе, все свои силы и внимание она направляет на пчёл. И вот однажды летом произошло событие, после которого тётушка навсегда замкнулась в своей комнате. Осознав, что они с бабушкой живут в разных мирах с разными надеждами, тётя решила отомстить крайне необычным способом.

Она хранила у себя баночку мёда, которую вечерами ставила на стол, открывала окно и ждала. Через некоторое время чёрно-жёлтые насекомые из темноты залетали на свет. Единственная лампочка в люстре светила ярко. Тётя быстро убирала баночку, а пчёлы, забыв о цели визита, поднимались ввысь, к свету. Начинался безумный полёт по часовой стрелке, жужжание и тиканье вступали в бой. Пчёлы прикладывали последние силы и, подобно Икару, не замечая опасности, рвались к своему солнцу...

Тётя смотрела на настенные часы. Три, два, один. Свет гас, а пчёлы, как и положено, оказывались на холодной ладони стола. Затем свет снова включался. Всё заканчивалось. Она доставала другую банку – наполовину заполненную дохлыми пчёлами. К ним присоединялись эти, только что утомлённые. Видимо, тётя никогда не задумывалась, что же будет делать с ними потом...

– Ну почему ты никогда не носишь вещи красного цвета? Даже бельё себе выбираешь каких-то непонятных тёмных расцветок. Это что, тоже отпечаток тяжёлого детства?

– Ты обиделся, что я не ношу свитер, который ты мне подарил? Просто красный кажется мне чересчур агрессивным... навязчивым. А ещё – мешают воспоминания.

– Война, кровь, предки?.. Ладно, прости меня за цинизм, лучик, но реально, иногда я тебя совсем не понимаю.

– Это не твоя беда. А что ты там пишешь? Давай показывай, что там у тебя на экране? Это ведь не отчёт по продажам великов в магазине?

– Не отчёт. Пока мне самому не ясно, но что-то вроде эссе или очерка...

– И о чём?

– О философии свободного вращения.

– Чего?.. Чай будешь?

– Нет. Прикинь, я хочу донести до людей мысль, что вообще не страшно терять работу, хобби, города и мебель. Вертеться – значит освободиться, понимаешь? Двигаться дальше, колесить по свету, искать, мыслить свободно, без всяких рамок, навязанных родителями, религией, школой, любимыми. Короче, не знаю как, но объяснить это ещё труднее, чем писать.

– Так ты готов потерять работу и свободно двигаться дальше?

– Ну, если только вместе с тобой. Да оставь ты этот чай, иди сюда вдохновлять своего великого мужчину.

Красный я действительно не любила. Сколько себя помню, тётушка всегда наряжалась во всё красное. Она думала, что цвет может решить её проблемы, сделать из неё удачливого

человека и выразить эмоциональную страстную натуру, но вместо этого люди подмечали её истеричность и нервозность. Красные трусы свисали с люстры, но деньги не спешили появляться. Зато поздним летним вечером приключилась настоящая драма.

Бабушка с утра уехала в гости и должна была остаться там на ночь, но вдруг решила, что не будет спать в чужом доме. Повидались, мол, и хватит, и внезапно нагрянула домой. Мне уже исполнилось пятнадцать, я тихо сидела в своём подвале и читала книжку, но шум невнятных голосов и громкая брань заставили нас с мамой выбраться наружу.

Бабушка, без стука раскрывшая дверь тёткиной комнаты, стала свидетельницей пикантной сцены. Стоя под ярким парусом узеньких трусов, настоятель гаражного храма то ли целовал тётушку, то ли изгонял злых духов из её грешной плоти.

Священник клялся, что на самом деле это не то, что могло привидеться. Тётушка плюхнулась в кресло и, подобно тициановской кающейся Магдалине, устремила взор в потолок. Однако бабушка, молчавшая годами, бабушка, от которой сложно было добиться двух-трёх внятных фраз, вдруг заговорила. Она грозила священнику Нверу, что это его последний вечер в этом городе и что утром сама снесёт чёртов гараж.

Нвер, потеряв дар речи, трусцой выбежит из дома и на следующий же день уедет в столицу. Тётка же навсегда заперётся в своей комнате из слоновой кости, заявив, что так она своим одиночеством отомстит миру. Но перед этим она спустится в подвал и «на правах старшей сестры и порядочного человека» огласит семейную тайну. Тайна эта заключалась в том, что моя мать была дочерью деда, бабушке же приходилась падчерицей, из-за чего её, а затем и меня, в этом доме ненавидели, потому и устроили нам серую сырую жизнь. Мама вела себя сдержанно, не выражая эмоций, только бледнела и всё сильнее сжимала мою руку.

Набродившись по улочкам и переулкам, уставшая и голодная, я поехала домой, купив по дороге лимонные меренги, которые так любил Антон. Я представляла, как рассказываю ему о своём новом качестве, как он удивляется и радостно меня обнимает. Наконец-то мы станем полноценной, почти идеальной семьёй, той самой, о которой я всегда мечтала.

Оказалось, что он пришёл домой ещё раньше и уже приготовил ужин, пообещав вместо десерта сообщить самую важную новость, которая изменит всю нашу жизнь.

– А я-то думала, только женщина может сообщить мужчине важную новость, которая меняет смысл жизни.

– Лучик, ты старомодничаешь. Это в прошлом были приняты такие важности. У нас ведь иначе. Мы же договаривались, что будем только вдвоём и плюс – наша свобода.

– Да, конечно. Но послушай, Антошка, а если вдруг, ну когда-нибудь, я залечу, ты же не захочешь избавиться от нашего ребёнка?

– Какого ещё ребёнка? Что за словесный понос? Только не ты. Я думал, что нашёл женщину своей мечты, ты так не похожа на других баб, ты же не станешь выносить мне мозг этими женскими причудами?

– Не буду.

– Ну и отлично.

– Так что ты собирался мне сказать?

– А теперь я узнаю мою богиню! Вот, смотри.

– Что это?

– Ну реально, может, ты простыла, а? Чёрным по белому написано: я заключил договор с издательством. Думал, ты будешь мной гордиться. Моя рукопись через полгода станет книгой, прикинь. «Философия свободного вращения». Автор – Антон Воробьёв. Невероятно!.. А ты чего так приуныла?

– Рада за тебя.

– За нас надо радоваться, а не только за меня. Выйдет книга, продам магазин, возьмём денежки и весной отправимся в путь на великах. Попрактикуем философию свободного вращения на себе. Наша жизнь больше не будет прежней, понимаешь?

– Ага. Моя жизнь точно не будет прежней.

– погоди, да что с тобой? Ты хотела сообщить мне нечто очень важное. Видишь, я не забыл. Давай выкладывай, сегодня у нас день великих открытий.

– Я забыла. Видимо, твоя новость оказалась круче. Прости, мне надо в ванную.

И лишь протянуть руку и открыть ладонь, чтобы приблизиться к истине, насыпать истины в карман и отдалиться, отдалиться... Бледно-жёлтые меренги с кислой усмешкой поглядывали из керамической вазочки, лавандовые фиолетовые головки едва заметно неслись в прозрачных просторах чайника, чашечки дожидались и не могли дожждаться чаепития. Мужчина и женщина встали со стульев. Мужчина и женщина молчали, и их молчание превращалось в изгнание, в осколки разбитого фарфорового счастья.

Когда приходит разочарование, всегда пытаешься найти комнату. Комнату, где тяжёлая дверь не выдаст места твоего нахождения, и ты – изгнанница – останешься в белой пустой комнате, сидя на стуле из грушевого дерева твоего детства, и быстро закроешь веки, чтобы превратить свою жизнь в монохромное воспоминание.

Я заперлась в ванной комнате. Надела чёрный шелковый халат. Крепко обняла домик моего ребёнка, и слёзы потекли безмолвной рекой. Позже – безмятежность, тишина, дождь. Сейчас так нужно – достучаться до тишины.

Кинцуги

Чтобы заслужить лето, нужно пройти через хаос осени...

«...В день летнего солнцестояния, по настойчивой просьбе моего психолога, я завела дневник. Женщинам бывает нужно выговориться, сбросить избыточные эмоции и не выгореть, но я ненавижу цифры, поэтому решила обойтись без дат. На днях я собиралась съездить к подруге на дачу, но не тут-то было: коллега вдруг слёг с ковидом, и редактор попросил меня подстраховать – нужно было написать материал про ипподром и взять интервью у гида, который в тот день проводил экскурсию. Мне предстояло просто понаблюдать, сделать несколько снимков и задать пару тривиальных вопросов о его работе. Почему-то я заранее представляла себе гида седовласым сутулым стариком. Но ко мне подошёл молодой человек – высокий, статный, с лукавым прищуром и едва заметной улыбкой, обрамлённой русой бородкой. Пока собиралась группа, лошади скакали в преддверии состязаний, и мне внезапно стало интересно за всем этим наблюдать.

Вдруг резко пошёл дождь. В рюкзаке у меня лежал красный дождевик – я тут же достала его и, ни секунды не колеблясь, протянула гиду. Он смутился, но выбора не было: кивнул в знак благодарности и надел дождевик, который был ему явно мал.

Мы собрались всей группой, и он начал рассказывать о старейшем в мире ипподроме, о людях и лошадях, живущих по особому укладу – в доверии и поддержке. Я подумала, как же повезло этим животным и жокеям: они кому-то доверяют, в отличие от меня. От меня ушёл мой молодой человек, умерла кошка, а остались – глухая вселенская пустота и работа, которая только отягощала моё существование. Я чувствовала себя как металлическое дерево на Лужковом мосту – одно из тех, что увешаны замками влюблённых. Мне безумно хотелось убрать с ветвей – пусть и железных, местами заржавевших – все эти никчёмные оковы, выдохнуть и найти, наконец, свой путь. Хотя бы крошечное счастье.

А он в моём дождевике смотрелся забавно – я не скрывала улыбку, вовсе не насмешливую. Интервью затянулось, и, наверное, мы были похожи на тех великих театральных реформаторов, которые когда-то зашли в ресторан и засиделись на много часов, вдохновляясь новыми планами и мечтами...»

...Таким было начало. Она сунула мне свой алый дождевик, в котором я выглядел полным придурком. Даже не знаю, зачем его взял. И зачем надел?... Зачем потом пошёл с ней в кафе? Я думал – разговор на час максимум. А в итоге влип по уши.

Так-то я парень скромный, не ищу приключений. В тридцать лет ты обычно уже понимаешь: круг замкнулся. Что-то упустил, а то, что нашёл, – отпускаешь без сожалений. За пару месяцев до встречи с ней я отпустил свою прошлую любовь: она выпорхнула – и тут же мягко опустилась на ладони моего лучшего друга. «Фигасе, провалился с треском», – подумал я. А ведь жизнь везде даёт трещины, особенно когда тебе нечем их склеивать. И приходится ходить по дорогам, раскрывшим пасть, как акулы, готовые тебя сожрать.

Моя новая пассия временами тоже казалась мне акулой. Хищницей, знающей, чего хочет – от себя, от меня, от мира. Она разбивала меня вдребезги. Но от неё не уйдёшь – только она умела вытаскивать меня из депрессии. Я поддался.

Неловко было оттого, что она взяла на себя всю инициативу. Прибрала вожжи в свои маленькие, почти детские, руки и уверенно ими правила. Прозрачно намекала, что хочет съехаться. Я был не против. В мутном стекле колебаний и страсти постепенно начинала прорисовываться наша совместная жизнь...

«...Жизнь умеет преподносить сюрпризы. Мы друг для друга были именно этим сюрпризом: вроде бы не ждёшь, а получаешь – и не знаешь, что с ним делать. У меня были грандиозные планы. Я хотела быть спикером, открыть школу журналистики, писать книги и учить людей тому, во что сама верю. И рядом с ним, особенно вначале, я по-настоящему поверила в себя. Разве этого мало?

Мы ровесники. Как же я ненавижу своих сверстников! И вот – сюрприз: жизнь на серебряном блюде приносит мне именно то, от чего я всегда бежала. Но он был не такой, как все: с живым умом и при этом – тихий. Ценил тишину, но не противился моему шуму. Однажды он сказал: «Хватит бегать из одного конца города в другой. Останься». И я осталась. Через несколько дней привезла всё своё: небольшой чемодан одежды, книги и пузатую фарфоровую вазу – память о бабушке. Она называла её «ваза цвета весенних дождей и прозрачных мечт» – и передала её мне незадолго до смерти.

Он был слегка шокирован – не книгами, не вещами и даже не вазой, а тем, что уже через неделю я решила поменять обстановку: сменила тяжёлые коричневые шторы на светло-зелёные жаккардовые, передвинула мебель, а на видное место поставила в рамке фотографию лошади – в память о нашей встрече. Но он этого не оценил. Не понял. Мы впервые поссорились. Он ненавидел работу гида, а сам смотрел на мир усталыми глазами цвета мёда – как лошадь, уставшая от несвободы. Он явно мечтал о другом, даже если сам себе в этом не признавался.

А я фехтовала с тишиной. Боялась её, словно будущей старости. Всё равно что смотреть, как любимый человек медленно уходит, собирая вещи. И ты стоишь, глотаешь соль собственных слёз, не в силах его вернуть. Вот он – за дверью. Не попрощался. Навсегда. Выбросив все лишние слова в бездну ссоры, мы замолчали. За окном шёл проливной осенний дождь – и своим шумом спасал нашу затянувшуюся тишину».

...Зачем она всё это сделала – не понимаю. Хотела добить? Разозлить? Она знала, как я ненавижу свою работу. Всех этих лошадей, у которых отняли свободу, – и теперь они мчатся по кругу, пока не упадут. А я рассказываю экскурсантам сказки о дружбе человека и животного. Сказки о доброте, которой у реального человека часто нет. А ещё – её книги, её энергия через край, её маниакальное желание забеременеть. Хотя знала – этого не может быть. Она напоминала морскую раковину: приложишь к уху – и вроде бы слышишь море. А на деле – лишь эхо, пустой звук, отражение того, что попало извне. Ты откладываешь раковину в сторону – а через секунду осознаёшь: с этим эхом ты теряешь море.

Мы мирились в постели. Чем сильнее ссоры – тем крепче близость. Это стало привычкой, зависимостью. Я входил в неё, будто ищущий исцеления в древнем святилище. Она смотрела на меня взглядом Афродиты, с волей Афины и гордостью Геры. Она будто вобрала их всех. И жаждала услышать, что она – самая прекрасная. Во время ссор любила повторять строки любимого писателя: «Если начинаешь с барабанов – заканчивай динамитом или тротилом»¹. Мы срывались, чтобы вновь слиться. Я входил в неё с настойчивостью добытчика, нашедшего алмазы, задыхаясь от её тепла, меняя позы, углубляясь, будто хотел обрести через неё самого себя...

«...Я считала себя неполноценной из-за бесплодия. Этот диагноз висел надо мной, как дамоклов меч. Я замыкалась, раздражалась, могла молчать днями. Он говорил, что у меня ненормальное психическое состояние. То же твердили врачи. Но разве неумение любить и сопереживать – не худшее психическое расстройство? Он искал иллюзию. Я – истину. Мы оба жили в своих мирах, не принимая себя, – и не могли понять друг друга. Круг замкнулся. Он говорил о смысле замкнутого круга, а в итоге стряхивал пепел в пузатую пепельницу.

¹ Цитата из «Тропика Рака» Генри Миллера.

Однажды я вернулась в хорошем настроении: прошёл ровно год с нашего съезда, и меня пригласили вести семинары в престижном вузе. Я знала, что он хочет написать книгу, но не может. Я подарила ему билеты в Индию – страну его мечты. Но он вспыхнул: начал кричать, обвинять, ругаться. Мол, моя псевдолюбовь разрушила нас. И что мне пора лечиться. Слово за слово – и я разбилась на тысячу осколков...»

...Сам не понял, как всё произошло. Швырнул зажигалку, она угодила в её любимую вазу. Немая сцена оказалась сильнее любого крика. Она молча собрала вещи. Забрала не только свои платья, книги, ароматы – но и саму себя. А я стоял перед разбитой вазой и вглядывался в трещины внутри себя.

Я почувствовал свободу – и в ту же ночь позвонил бывшей. Ленка приехала. Мы снова стали парой. Она казалась блеклой, обычной. Тусила в баре собственных разочарований, с бокалом «Маргариты», без особых планов. Когда-то это меня привлекало. Сейчас – нет. Мы прожили месяц. Я простил. Доказал себе и всем, что лучше меня не найти. Потешил уязвлённое самолюбие и успокоился. Но однажды, когда она снова ушла в бар, я решил поехать с ней. Хотел стать внимательнее, как она просила. На парковке у бара – тачка моего «друга». Мы встретились глазами. Я влепил ей пощёчину и уехал. Дома собрал её вещи и выставил за дверь.

И вдруг в кладовке увидел тёмно-синий пакет. Та самая ваза. Я аккуратно сложил её, надеясь, что она вернётся за ней. Но она не вернулась. Ваза осталась. Всё, что мне осталось.

«...Я продолжила жить. Психолог посоветовала не бросать дневник. Он помогал разложить чувства, отличить главное от второстепенного, прожить боль творчески. Иногда вспоминала его слова. Больно было слышать, что моя любовь разбила нас. А через месяц он снова стал звонить. Просил вернуться. Но как вернуть то, чего больше нет?.. И тогда я узнала, что беременна. Жизнь обрела смысл».

...Только отпустив Лену, я понял, что потерял кого-то настоящего. Искал её, звонил, писал. Вспоминал дождевик. Её волосы. Её смех. А она молчала. Я был как человек с ампутированной рукой, который ещё не осознал утрату.

Уволился. Начал писать. Становился популярным. Вечерами клеил ту вазу. День за днём золотыми нитями сшивал свою разбитую душу. Три года спустя – я знал, что напишу эту книгу. Книгу, которая будет звать к свету. Потому что каждый достоин своего лета. Но чтобы его заслужить – нужно пройти через хаос осени.

«...Утром я готовила тосты с авокадо, няня одевала мою дочку, и вдруг из радио раздался знакомый голос. Малышка всхлипывала, но, услышав его, внезапно затихла. Он говорил о красоте ущербных вещей. О принятии несовершенства. О философии, в которой то, что неидеально, – и есть настоящее. Это был он. Уже не лошадиный гид, а писатель и оратор. Он говорил, что посвятил новую книгу, «Кинцуги», мне. Что любовь – это фарфоровый сосуд. И если один забирает свою энергию, сосуд разбивается. Ведущий просил слушателей звонить. Я набрала номер. Голос дрожал. А по щеке скатилась упрямая, неожиданная слеза...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.